

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИЦЫ.

Содержаніе брошюры Фр. Энгельса „Die Entwicklung des Socialismus von der Utopie zur Wissenschaft“ извлечено изъ его полемическаго сочиненія „Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft“, изъ котораго мы помещаемъ въ приложеніи три главы, составляющія довольно законченное цѣлое. На нѣмецкомъ языкѣ „Развитіе социализма“ появилось въ прошломъ, 1883 году и выдержало одно за другимъ три изданія. Во французскомъ переводѣ это извлеченіе вышло еще въ 1880 г., а въ 1882 было издано по польски. Нельзя не пожалѣть, что русскій переводъ появляется только теперь, такъ какъ эта брошюра представляетъ собой чрезвычайно блестящее изложеніе исторіи и сущности научнаго социализма, сдѣланное самой компетентной рукой. При всемъ уваженіи, которымъ пользуются у насъ идеи Маркса, изъ) популяризація велась до сихъ поръ далеко не въ достаточныхъ размѣрахъ, и предлагаемая брошюра лучше всякой другой можетъ содѣйствовать пополненію этого пробѣла. Такое пополненіе въ особенности необходимо въ настоящій критическій моментъ.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
О. П. С. К. К-547/6

1328

II

нашего революціоннаго движенія. Освобожденіе народа всегда составляло его основную идею, единственную идею, которой оно никогда не измѣняло. Во всемъ остальномъ, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, странная глупость, подъ которыми намъ приходится уснать себѣ нашу задачу и вырабатывать пути и способы ея осуществленія, заставляли насъ бросаться во все стороны. Урывками, въ недосказанномъ, недокопченномъ видѣ уснвали мы знакомиться съ социалистическими теоріями, схватывая сперва всего полнѣе лишь ихъ этическую сторону: несправедливость существующаго строя, обязательность борьбы и т. д. Пытаясь подготовиться на практикѣ условія этой борьбы, мы шли то по тому, то по другому пути и не уснвали развить сколько нибудь систематической и продолжительной дѣятельности ни въ одномъ направленіи.

А деспотизмъ, посылая на мученичество одну за другой выступавшія фаланги, довелъ ихъ, наконецъ, до той степени интенсивности революціоннаго чувства, что, не имѣя за собою матеріальной, а лишь нравственную, идейную силу, наша революціонная интеллигенція бросилась въ прямую, наступательную борьбу съ деспотизмомъ, замѣнивъ динамитомъ отсутствіе матеріальной силы и малочисленность борцовъ ихъ безконечнымъ самоотверженіемъ. Нравственная побѣда надъ деспотизмомъ одержана полная, а наши поиски за матеріальной силой, за точкой опоры для борьбы все еще не кончены.

Припоминая всю исторію этихъ поисковъ за практической программой борьбы за народное освобожденіе, приходишь къ заключенію, что недоставало намъ главнымъ образомъ пониманія ея фактическихъ, историческихъ условій. Мы знали, что справедливо, что революціонно, но не что возможно и целесообразно. Намъ недоставало для этого руководящей нити въ лабиринтѣ исторически сложившихся условій нашей родины, и не могли намъ дать такой нити ни бакунизмъ, ни все остальные, ходившіе среди насъ, сбивчивые отрывки социалистическихъ теорій. Полное, всестороннее понима-

III

ніе экономическихъ, историческихъ и философскихъ воззрѣній научнаго социализма могло бы помочь намъ найти наше мѣсто среди факторовъ русской жизни и прочую сферу для нашей дѣятельности. Но къ несчастью у многихъ изъ русскихъ читателей съ этой теоріей связывается представленіе о необходимости для каждаго отсталаго народа пройти чрезъ тѣ же фазы развитія, которыя привели передовья страны западной Европы къ современному капитализму, дающему матеріальную возможность успѣшной борьбы за освобожденіе трущагося населенія. Такая перспектива долгаго, мучительнаго пути, уже пройденнаго Англіей или Франціей и еще предстоящаго Россіи, вызываетъ почти инстинктивное возмущеніе въ русскомъ дѣятелѣ, желаніе отбросить теорію, приводящую къ такимъ горькимъ выводамъ, и подискать другую, болѣе утѣшительную, обѣщающую нашему народу совершенно самостоятельный путь развитія.

Но такое представленіе основано, какъ намъ кажется, на крупномъ недоразумѣніи и противорѣчитъ той именно теоріи, которой его навязываютъ.

Признавая экономическія явленія основными въ исторіи человечества, она разсматриваетъ эти явленія, какъ матеріальное по самому существу своему историческіе, т. е. безпрерывно измѣняющіеся, различныя въ каждой странѣ и для каждаго поколѣнія данной страны. Одинаковые способы производства и формы обмена, встрѣчающіеся въ различныхъ странахъ и въ различные историческіе періоды, подчиняются однимъ и тѣмъ же законамъ и вліяютъ въ одинаковомъ опредѣленномъ направленіи на дальнѣйшій ходъ экономическаго развитія. Но этотъ ходъ обуславливается для каждой данной страны взаимодѣйствіемъ всѣхъ вліяющихъ на него факторовъ, а комбинаціи этихъ факторовъ разнообразны до безконечности.

Въ современной Россіи мы встрѣчаемъ одновременно сельскую общину еще сохранившуюся вдали отъ желѣзныхъ дорогъ и большихъ промышленныхъ центровъ во всей своей первобытной чистотѣ, ремесла на степенн

домашнего производства для собственного употребления и рядом огромныя фабрики, акціонерныя компании, банки, желѣзныя дороги и телеграфы; первобытныя историческія формы, пережитыя въ различныя времена всеми народами западной Европы и затѣмъ разложившіяся и исчезнувшія, рядомъ съ формами, составляющими послѣдній результатъ ея исторіи и замѣтываемыми Россіей въ ихъ готовомъ, современномъ видѣ. Эти-то замѣтыванія, это постранично усиливающееся влияние Западной Европы на ходъ нашего развитія — и исключаетъ возможность повторенія послѣдовательныхъ фазъ самобытнаго развитія Англій или Франціи.*)

Нашей крупной промышленности предстоитъ не развиваться постепенно изъ ручныхъ ремеселъ, а, по всему вѣроятію, наоборотъ, не допустить широкаго ихъ развитія, сразу замѣнивъ фабричными произведеніями продукты домашняго производства для собственнаго потребленія. Долгій путь постепеннаго развитія производительности труда уже пройденъ передовыми странами западной Европы за насъ и для насъ, и намъ остается только замѣтывать послѣдніе результаты ихъ исторіи.

Трудъ русскаго рабочаго при паровомъ ткацкомъ станкѣ, выписанномъ изъ Англій или сдѣланномъ по англійскому образцу въ Россіи, сразу становится почти также производителемъ, какъ и трудъ англійскаго рабочаго при такомъ же станкѣ. вмѣстѣ съ машинными наша крупная промышленность замѣтуетъ и всю организацію труда на фабрикахъ, всѣ пріемы эксплуатаціи рабочихъ, примѣняя ихъ только съ болышей принудительностью. вѣдѣтвие отсутствія организованнаго сопротивленія. Едва возникнувъ, она воспроизводитъ уже всѣ существенныя черты западной промышленности и отличается отъ нея не формой, а лишь своими размѣрами. Ей предстоитъ не развиваться, а распространяться, что зависитъ уже отъ быстроты накопленій

*) Мы не думаемъ, конечно, зѣсь на нѣсколькихъ страницахъ предисловія разрѣши въ трудные и сложныя вопросы русской жизни, мы желали бы только намѣтить то направленіе, въ которомъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ искать ихъ разрѣшенія.

капиталовъ и пріобрѣтенія рынковъ для сбыта произведеній. Существенное, рѣшающее значеніе имѣть для насъ, конечно, внутренній рынокъ, а его болѣе или менѣе быстрое расширеніе зависитъ въ значительной степени отъ паденія крестьянскихъ домашнихъ ремеселъ, въ особенности изготовленія пряжи и тканей. Возникновеніе имущественнаго неравенства внутри общины, изгоня разорившихся крестьянъ на заработки въ города и развивая потребности разбогатѣвшихъ членовъ, неизбежно создаетъ въ лицѣ тѣхъ и другихъ потребителей фабричныхъ произведеній. Этого процесса, означающій собою разложеніе общины, съ каждымъ годомъ все настойчивѣе констатируется изслѣдователями крестьянскаго быта, и кулакъ, неизбежно фигурирующій во всѣхъ изображеніяхъ жизни села, служитъ его вѣрнѣйшимъ признакомъ и сильнѣйшимъ, нестремимымъ факторомъ. Онъ подкапываетъ всѣ основы общиннаго быта, извращаетъ въ свою пользу выработанныя многовѣковой практикой міра правила и обычаи, гарантировавшіе справедливое веденіе мірскихъ дѣлъ, извлекаетъ выгоду изъ учрежденій именно противъ него-то и направленныхъ, вродѣ сельскихъ банковъ, и служитъ бы вѣроятно пзвлекъ ее даже изъ увеличенія крестьянскихъ надѣловъ, если бы оно когда нибудь состоялось. Онъ нестремимъ уже болѣе никакими мѣрами, не уничтожающими въ корнѣ самую возможность возникновенія имущественнаго неравенства, а слѣдовательно неотвратимо и постепенное разложеніе общины, накопленіе капиталовъ и расширеніе крупной промышленности.

Росту капитализма принадлежитъ ближайшее будущее Россіи, но только ближайшее; дойти до окончательнаго разложенія общины ему едва ли суждено. Современное экономическое развитіе Россіи слишкомъ тѣсно связано съ развитіемъ западной Европы, а въ ней дни капитализма уже сочтены. Соціалистическая революція на Западѣ положитъ предѣлы капитализму и на востокѣ Европы, и тогда-то остатки общинныхъ учреждений могутъ сослужить Россіи великую службу.

Въ некоторыхъ изъ европейскихъ странъ, какъ, напри-
мѣръ, въ Англии чрезвычайная концентрація поземельной
собственности настолько урющаетъ дѣло, что тамъ те-
перь уже предлагаются мѣры къ его немедленному рѣше-
нію, и о націонализациі земли пишеть цѣлую книгу ученыхъ
настолько чуждый всякихъ разрушительныхъ тенденцій,
какъ Уоллесъ, не желающій ни малѣйшаго зла всѣмъ
оставшимъ видамъ частной собственности и предлага-
ющій заняться постепенной экспроприацией ландлордовъ
буржуазному английскому парламенту.

Совсѣмъ иначе стоитъ вопросъ о націонализациі
земли во Франціи и значительной части Германіи,
гдѣ господствуетъ мелкое землевладѣніе. Масса крестья-
нъ, хотя крайне бѣдная и обремененная долгами,
крѣпко держится за свою собственность, и экспропри-
ація можетъ встрѣтить съ ея стороны самое отчаянное
сопротивленіе. Тутъ социалистической партіи прихо-
дитъ выработать цѣлый рядъ переходныхъ мѣръ,
необходимыхъ для странъ съ мелкимъ землевладѣніемъ
въ эпоху организаціи новыхъ общественныхъ отношений.

Одной изъ первыхъ подобныхъ мѣръ социальдемо-
кратическаго государства въ Германіи долженъ быть,
по мнѣнію Либкнехта,*) переводъ лежащихъ на мел-
комъ землевладѣніи долговыхъ обязательствъ отъ част-
ныхъ кредиторовъ къ государству. При этомъ процентъ
выплачиваемый должниками значительно понижается,
имъ предоставляются разныя льготы и облегчаются
дополнительныя займы, но все это обусловливается
обязательствомъ ввести раціональную культуру земли
подъ контролемъ государства, соединяясь для этого
въ большія земледѣльческія ассоціаціи.

„На государственныхъ же земляхъ“, продолжаетъ
Либкнехтъ, „размѣры которыхъ къ счастью еще до-
вольно значительны въ Германіи, должны быть осно-
ваны земледѣльческія колоніи, организованныя на соци-
алистическихъ основаніяхъ, производящія непосред-

*) „Zur Grund und Bodenfrage.“ Либкнехтъ, представитель
социалдемократіи въ германскомъ рейхстагѣ.

ственно для государства и служащія въ тоже время
образцовыми земледѣльческими учрежденіями.“ Въ эти
колоніи могла бы быть тотчасъ же переведена значи-
тельная часть селскаго пролетаріата, что сразу сильно
подняло бы заработную плату остальной части, а со-
образное съ человѣческимъ достоинствомъ существова-
ніе, гарантированное членамъ государственныхъ коло-
ній, пробудило бы во всей массѣ селскихъ рабочихъ
стремленіе достигъ такого же положенія.

А затѣмъ, по мнѣнію того же автора, конкуренціи
государственныхъ колоній скоро привудила бы частныя
ассоціаціи отказаться отъ сохраненной ими фикціи
собственности и начать работать непосредственно для
государства, а единичныхъ землевладѣльцевъ—согла-
ситься на экспроприацію.

Въ Россіи остатки общинныхъ учреждений, отсутствие
традиціи частной поземельной собственности, забытое
еще общинное представленіе о землѣ и природныхъ
богатствахъ, какъ о принадлежавшихъ всѣмъ людямъ,
могли бы чрезвычайно облегчить переходъ земли во
владѣніе всего общества. При широкой предваритель-
ной пропагандѣ и разъясненіи смысла и значенія
предпринимаемыхъ государствомъ мѣръ онѣ могли бы
встрѣтить сочувствіе и поддержку въ массѣ крестьян-
скаго населенія, опереться въ практическомъ осуще-
ствленіи на остатки общинныхъ учреждений и въ та-
комъ случаѣ сразу принять самыя широкіе размѣры и
самый рѣшительный характеръ. Для социалистическаго
государства можетъ быть опасно лишь неудовольствіе
массъ, съ сопротивленіемъ же крупныхъ собственниковъ
оно всегда найдетъ возможность справиться.

Создать такое государство можетъ конечно только
сознательный и сильный рабочий классъ, имѣющій при
этомъ возможности организовать хотя бы некоторые
главнѣйшія отрасли обрабатывающей промышленности
страны. Но надъ воспитаніемъ передовой дружины такого
класса и надъ выработкой этой возможности будетъ
трудиться, противъ воли конечно, наше юное капита-
листическое производство.

Русое—по счету дѣлъ, но не по нравственному характеру своихъ представителей, русская буржуазія, какъ таковая, не способна уже къ революціонной инициативѣ, проявившейся у западной буржуазіи во времена ея юности. Не она подняла у насъ и знамя борьбы съ абсолютизмомъ, бывшее въ свое время знаменемъ западной буржуазіи. Слишкомъ громко раздаются теперь на свѣтѣ новые революціонные лозунги, которые не могутъ стать ея лозунгами.

Русскому буржуа никогда и въ голову не придетъ, конечно, вообразить себя носителемъ интересовъ всего трудящагося населенія, какъ не придетъ въ голову и нашему фабричному рабочему ожидать какихъ бы то ни было благополучій отъ фабрикантовъ и предпринимателей.

Къ намъ вмѣстѣ съ машинами и готовой организаціей труда на фабрикѣ перенеслось и современное взаимное положеніе хозяевъ и рабочихъ, лишь медленно и постепенно складывавшееся въ тѣхъ странахъ, гдѣ крупная промышленность развилась изъ ручныхъ ремеселъ. У насъ фабрикантъ и рабочій сразу очутились на противоположныхъ концахъ общественной лѣстницы и встрѣтились какъ люди съ противоположными интересами.

Отношеніе нашего фабричнаго рабочаго къ предпринимателю ясно и опредѣленно, оно не можетъ ни въ какомъ случаѣ помѣшать развитію въ немъ классоваго самосознанія, но онъ новичекъ въ городѣ, у него нѣтъ историческаго прошлаго, нѣтъ революціонной традиціи, созданной въ западно-европейскомъ французскомъ рабочемъ его борьбой за политическую свободу, нѣтъ привычки къ солидарному организованному дѣйствию англійскихъ рабочихъ. Ему не достаетъ цѣлой массы условій, создавшихъ изъ европейскаго пролетаріата общественную силу, еще ранѣе проникновенія въ его среду социалистической пропаганды. А что можетъ сдѣлать систематическая проповѣдь социализма, блистательно доказывающаяся исторіей Германіи. Ея капиталистическое производство и политическая свобода, да и то неполная.

пришло дозрѣвшимъ происхожденіемъ чѣмъ въ Англии и Франціи, а социалистическая пропаганда создала тамъ самую развитую и сознательную рабочую партію въ цѣломъ свѣтѣ.

Помочь нашему рабочему классу выработаться въ сознательную общественную силу, восполнить до нѣкоторой степени недостатокъ его историческаго опыта и вмѣстѣ съ нимъ бороться за освобожденіе всего трудящагося населенія Россіи, составляетъ задачу нашей революціонной интеллигенціи, умственное развитіе которой позволяетъ знакомиться съ результатами историческаго опыта всего человѣчества. Но для этого ей нужно не бояться теорій научнаго социализма, будто бы осуждающихъ ее на бездѣйствіе, — нужно понять и изучить ихъ настолько, чтобы явиться не подражателями западныхъ социалистовъ (какъ, пожалуй, вздумали бы упрекнуть насъ наши самобытники), а самостоятельными дѣятелями въ условіяхъ нашей родины.

В. З.